

Свет далекой звезды

Человеческий разум – это и есть машина времени, которая нас без труда может перенести как в прошлое, так и в будущее. Жаль, что в настоящем, разум так мало находит себе применение.

1

Пасмурное, серое небо показалось на горизонте. Суровые, свинцовые тучи нависали всей своей мощью, как тяжелые, в кольчугу одетые всадники, неукротимой лавиной пронизывая пространство. И не было силы, которая могла противостоять этому натиску.

Голубая, легкая конница, не приняв боя, рассыпаясь мелкими группами, бежала вглубь континента. Лишь изредка, кое-где в редких стычках сходились полчища: когда нетерпение одних наталкивалось на нерасторопность других.

На небе воцарилось затишье.

Ветер крепчал, холодные струи воздуха обжигали все живое, которое казалось еще только вчера, грелось в лучах не слишком щедрого, весеннего солнца, теперь платила черную дань белому безмолвию.

Мороз становился все крепче и где-то вдали одинокий песец завыл новую клятву на верность зиме. Подтаявший снег снова стал превращаться в кристаллическую массу, а затем в ледовую корку.

- Как не, кстати, погода меняется - подумал человек - еще бы два, три дня.

Марк был охотником. Не было лучше стрелка, никто не ловил больше рыбы, никто не ставил капкан искуснее его, а главное никто не добывал белька в таком количестве.

Егерь один его мог заготовить столько как целая артель за целый сезон.

Он часто наблюдал, как охотится белый медведь на тюленя. Хищник становился на передние лапы, высоко, как можно выше поднимая свой черный нос, и голодными ноздрями вдыхал запах теплого мяса и ценнейшего на севере тюленьего жира.

Часто охотясь, бок о бок, они учились друг у друга; человек – животным повадкам зверя, зверь – человеческой хитрости. Но это были матерые соперники, и каждый мог превратиться из хищника в жертву, из победителя в добычу. Марк все чаще стал замечать, идущего за ним тенью, белого, седого исполина, но еще исполненного сил и грации зверя. Он понимал, что только один может быть хозяином этих мест.

Конечно, можно было застрелить медведя вставшего на тропу войны с человеком.

Но честь охотника не позволяла совершить святотатство.

Зверь выслеживал охотника, и это было очевидно, даже не искусственному опыту в этих делах человеку.

Только один раз в году с марта по апрель самка тюленя уязвима для двух сухопутных хищников. Лишь две недели она кормит своего детеныша своим жирным молоком, а затем вместе с ним отправляется в океан. Ранней весной она делает лунку на льдине и рождает белька, - курносого детеныша, с черными, бездонными глазами. Белька не видно на снегу, а мать можно разглядеть как черную точку, как кляксу на большом листе белой бумаги на много миль вокруг.

Марку хотелось нестерпимо спать, недельная охота утомила его и в редкие часы отдыха, засыпая у костра, он видел один и тот же сон, как белый медведь несется к нему навстречу с широко распахнутой пастью.

Каждый раз этот кошмар сопровождался неуловимым присутствием млекопитающего.

- Он выслеживает меня – подумал человек, Он ждет лишь удобного случая, чтобы расквитаться со мной. К тому же на исходе запасы соли, сухарей, а главное патронов.

Несколько раз ему приходилось отстреливаться от волков. Еще самого начала охоты Марк почувствовал что-то неладное. Сколько раз он слышал из рассказов охотников о патронах, которые отсырели, пришли в негодность или что-то подобное, но никогда не верил этим

байкам. И вот здесь с ним случилось именно это. Несколько раз ружье давала осечку, и добыча буквально из-под носа уходила от него. Это был один и тот же патрон, который давно надо было выбросить, но из чувства бережливости, он снова, раз за разом вставлял его в патронташ и его же первым вытаскивал и загонял в ствол.

В последний раз в ярости Марк хотел его бросить в снег, растоптать, но сунул его в карман, делая это скорее произвольно, чем осмысленно, уже в следующую секунду забывая об этом.

Бескрайняя, белая равнина расстилалась перед его взором. Далекая и таинственная она призывала за собой охотника, и не было мочи противостоять этому зову.

Но внутренний голос подсказывал, что пора отправляться домой, что под коркой льда и полуметровым слоем снега уже невозможно было добыть белька, но азарт охотника - мужчины, не повиновался. Рассеяв последние свои сомнения, Марк решил продолжить охоту. Подстегнув, свой страх несколькими бранными словами он пошел навстречу неизвестности, понимая где-то в глубине, что делает ошибку, непростительную для охотника и может даже роковую.

Каждый шаг давался ему тяжело. Одной ногой он становился на хрупкий снег, тут же проваливаясь по грудь в толщу сугроба и только почувствовав под ногами точку опоры, уже другой нащупывал твердый пласт.

Пот жаркими каплями катился по его лицу. Он поднял свою меховую шапку повыше, чтобы дать свежему воздуху охладить это парное, человеческое мясо.

Этот запах разлетелся на много миль вокруг, заставляя чью-то пасть улыбнуться злобным оскалам белых как снег зубов, щелкнуть челюстью и оцетиниться, вставшим на дыбы загравком.

Усталость стала напоминать о себе все более продолжительными привалами и дыханием, которое становилось угнетенным и сиплым. Человек должен был, вдыхать арктический воздух через нос, как делал это всегда, но сейчас глотал холодную массу всем ртом, как будто задыхаясь, не в силах унять свою жажду, которая раскаленным жалом впивалась во внутрь, и расцарапывала горло.

Его глаза налитые кровью еще горели ярким костром, но дым отчаянья, уже невидимой серой струйкой стелился кругами под глазами, затуманивая разум, который теперь полностью положился на чутье охотника и на удачу.

Марк давно перестал своим третьим периферийным глазом осматривать все то, что находилось за его спиной. Его Тень, которая была неизменным стражем и единственным напарником, и которая несколько раз спасала ему жизнь, в этот день отказывалась ему повиноваться. Так было раньше, когда он чудом спасся от рогов и копыт лося, когда не охотник, а сначала его тень почти неуловимым движением отпрянула, заставляя Марка сделать то же самое и упасть на дно оврага. Так случилось когда тень, увидев, силуэт в прыжке летящей рыси в последний миг успела шепнуть - «опасность», что заставило его вжать свою шею в плечи и затем сильным ударом сбить эту лесную кошку со своей спины. Но сейчас все было по-другому. Тень не согласная с продолжением охоты, безучастное ко всему происходящему, валялось, уставшее на снегу, не поднимаясь и не оглядываясь вокруг. Надо было, встать на лыжи, что хоть немного облегчило бы его путь, но он одурманенный, находясь в каком-то чаду, совершал одну ошибку за другой.

Вот он - Рубикон усталости, за которым наступает безразличие и отчужденность. Это тот порог человеческих сил, когда физическое и моральное напряжение достигает своего апогея и может двух закадычных, близких друзей, здесь в Арктике за несколько дней обратить в заклятых врагов.

Пройдя еще около получаса, он не заметил, и эта была его вторая ошибка, как вступает на границу, где ледяная равнина начинает становиться все выше, обрастая раз за разом острыми краями льдин. Так наверно путник, находясь на материке, никогда не поймет: где конец тайги и начало тундры. И где тот чахлый перелесок навсегда разделит вечно враждующих и ненавидящих друг друга соседей.

Опасность грозила со всех сторон, но первый принцип на охоте был забыт, он был, как будто исключен из памяти. Осторожность лежала ненужной поклажей в рюкзаке охотника, и была выброшена, как немеющая никакой цены в этом холоде вещь.

После трехчасового перехода человеку попались первые признаки, следы которые нельзя было спутать ни с какими другими на земле. Он увидел на снегу глубокие борозды: оттиски тюленьих тел.

В предвкушении удачи глаза охотника просветлели, сбросив на мгновение пелену усталой дымки. Его брови начали медленно подниматься как вопросы, на которые немедленно надо дать ответ.

Где-то здесь мать-тюлень принесла на свет свое потомство, совсем рядом она облюбовала колыбель, лежбище для своего белька. Но где?

Каждые двадцать четыре часа мать должна кормить своего детеныша, чтобы он понимал; что о нем помнят и никогда не забудут. Ей надо приплывать к нему, чтобы ломать лед, который может навсегда разделить своей холодной толщиной двух связанных одной пуповиной существ.

Казалось, он, вот-вот увидит мать, и она сама не ведая, выведет его на одинокий приют своего малыша. Марк мог поклясться, что уже видел, белые как сосульки усы тюленя, его глаза, вытарашенные над водой и он сам, переломив ружье, перезарядив один ствол, и, продвигаясь буквально по сантиметрам, ждал. Охотник сбросил рюкзак со своей спины и затаился. Он сделал полшага, прошел еще самую малость, как неожиданно почувствовал, как проваливается в ледяную бездну.

Горизонт, который еще секунду назад казался необъятным и безграничным, в мгновение ока исчез. Бескрайнее пространство сузилось для человека до размеров полыньи, в которую так неосторожно попал охотник. В этой малой окружности, раскачиваемая вода, сначала кругами разошлась над телом, затем взъерошилась седым гребнем и тут же острой петлей схватила шею жертвы и начала душить, так что он на некоторое время потерял сознание.

Марк ясно представил себе, как это беспощадная стихия затянет его под лед, где он лишенный воздуха захлебнется. И еще, в миг падения, он вдруг увидел себя той малой песчинкой на часах времени, но не тех, которые с боем возвещают миру каждые четверть часа, а на песочных, что он упал на самое дно и никто не узнает, как и главное где, подстерегла его нелепая смерть. Часы его жизни, пребывания на этом свете остановились, и никто не перевернет эту чашу времени назад, чтобы снова золотым дождем посыпались его годы, чтобы навсегда замереть в глубокой старости. Человек представил себя крохотным звеном огромной пищевой цепи и даже почувствовал, как косяки рыб уже треплют и пожирают его тело, разрывая на сотни кусков, как недоеденные части медленно оседают на дно, где черви и раки доедят его до последнего грамма.

Обглоданные, до зеркального блеска белые кости, – это все что останется после него.

Быстрая смерть казалось, брала вверх. Она уже торжествовала, но сердце, впрыснув последний запас адреналина, не желая само превращаться в маленькую ледовую глыбу, еще способное сражаться, выказывало сопротивление этому холодному океану, на дне которого должна была потухнуть как искорка его жизнь. И все случилось бы с ним именно так, но сильными, отчаянными толчками, сердечная мышца выбросила в последний момент уже полумертвого охотника на лед. Голова, руки и туловище были на льду, оставалось только подтянуть ноги, но патронташ, который опоясывал Марка, зацепился за острый край полыньи и тянул за собой вниз. Не имея, никакой другой возможности охотнику пришлось его растянуть. С тяжелым хлюпаньем, он на миг показался на воде и затем исчез навсегда. Ноги барахтались в воде.

- Слава богу, они не сломаны – с каким облегчением подумал человек.

Сломать ногу на охоте в одиночку означало только одно, неминуемую гибель. Последним усилием ему удалось подтянуться и выскользнуть из полыньи.

Было нестерпимо холодно. Казалось, прошли часы, но это были неуловимые секунды,

которые очерчивают невидимую грань между жизнью и смертью.

Он слышал, как лязгали его зубы. Они стучали, так как наверно радист, находясь на краю катастрофы, отстукивает дрожащей рукой морзянку, и летят в эфир самые простые, лаконичные и раздирающие сердце слова: – SOS.

Марк чувствовал, как уходит из него жизнь.

Как тысячи раскаленных игл вторгались в его тело, выпуская наружу тепло. Он уже был не властен над своей плотью и смотрел на себя со стороны, безучастно, безразлично, как будто ему было уже все равно, что случится с ним дальше...

Так наверно смотрит дух на опостылевшее ему тело, поднимаясь все выше над суетной землей, прощаясь навсегда со своим недолгим спутником, который стал наскучившей обузой, и которому никогда не попасть в царство света.

Нестерпимо хотелось спать.

Быстрая кончина отступила, оставив другой, медленной и безжалостной свое законное место. Иней покрыл промокшую одежду. Костлявые руки, крадущейся смерти начали по отдельности расправляться с каждой фиброй, с каждой клеткой организма поражая окоченением и отмиранием нервных окончаний.

Глаза слипались. Марк дал себе лишь мгновение передохнуть, чтоб навсегда замерзнуть и стать еще одним безжизненным изваянием, в этой безграничной, ледовой галереи. И он бы уснул, если бы не посторонний шум: хруст снега, чье-то рычание не привело бы его в чувство.

И тут человек увидел свой страшный сон, который преследовал всю эту охоту, как белый медведь бежит к нему с широко распахнутой пастью.

Хищник мчался к нему, и уже ничего не могло его спасти. Спокойным и равнодушным взглядом охотник оглядел все вокруг, и с каким удивлением обнаружил возле себя ружье. Словно во сне, встав на колени, и скрученными от холода пальцами, он поднял его и навел в сторону медведя.

Резкий, сильный выстрел прозвучал в тишине. Но Марк ослаб настолько, что не смог удержаться и снова повалился на лед.

Он не убил и даже не ранил зверя. На время, отпугнув от себя и получив неожиданную передышку, он вышел из стопора и начал действовать.

Первым делом надо было, попытаться сбросить с себя одежду, которая тяжелым панцирем висела на нем. Озираясь кругом, Марк увидел недалеко от себя пустоту между насевшими друг на друга ледовых глыб. Туда он и решил пробраться, предварительно захватив с собой ружье и рюкзак. Там сбросив с себя мокрую, задубевшую одежду, он начал натирать себя снегом. Ладонями он растирал до боли уже онемевшую кожу, до красных кровавых царапин, безжалостно расправляя парализованные пальцы рук и ног.

Он тер кожу, так как делает это прачка, намылив сначала рубаху, затем бросает ее на терку и сильными, резкими движениями, выстирывает грязь. Так и охотник, с каким-то ожесточением проделал это со своим телом, понимая, что только так он может заставить снова побежать кровь по жилам.

Затем, смазав свое тело тюленьим жиром, Марк начал вытаскивать из рюкзака сухую одежду и напяливать на себя. Еще никогда в жизни ему не было так холодно и страшно. Сверху он надел несколько шкур бельков, но и это не могло согреть его. Только сейчас он понял, что вступил в страну паковых льдов. Это целая империя, которая может составлять площадь в несколько сотен и тысяч квадратных километров, но которая рано или поздно распадется сначала на маленькие княжества, а затем навечно исчезнет, растает без следа, как еще одна цивилизация, которая не оставила после себя ни одного краеугольного камня. Дрожь не покидало Марка, судороги одна за другой хватали его тело и ломали буквально пополам.

Он метался в беспамятстве, то, погружаясь в сон, то, вздрагивая, приходил в себя. Чтобы не уснуть человек кусал помертвевшие руки, оставляя на них отпечатки крепких и острых зубов. Постепенно приходя в себя, он начал осматривать свое жилище, которое самой природой

было, приготовило для охотника.

Это убежище сотворенное течением океана и постоянно изменяющимся направлением движения ветра набросила одну льдину на другую, затем еще одну, образуя в конечном итоге что-то похожее на нерукотворную пирамиду. Это сооружение сходное на невысокий чум, было достаточно просторным и теплым. Здесь не чувствовалось дуновения ветра, который уже снаружи предвещал снежную бурю, с которой в Арктике связывают такое понятие - как наступление конца света. Все померкло в одночасье, все очертания мира были размыты, и уже нельзя было различить, не понять: где север, где юг. Казалось что все земные и небесные ориентиры заживо похоронены на долгие годы забвения.

Но шорох в углу и чей-то вздох заставили отвлечься Марка от своих мыслей. Животный страх парализовал уже как будто оживающие конечности. Но силой духа он заставил унять его и, присмотревшись, с удивлением обнаружил белька, розыск которого принес ему столько несчастий.

Но в такой ситуации этот трофей вряд ли мог хоть как-то утешить охотника.

-Так вот оказывается, где ты обитаешь – произнес Марк.

Детеныш смотрел на охотника широко раскрытыми глазами, ощущая опасность и тревогу.

Забавно, человек и животное попали в одну клетку. Но никакой ненависти не было, наоборот, ощутив живую плоть в этом океане холода, они потянулись друг к другу. Марк подполз поближе к бельку и почувствовал его горячее дыханье. Он прижался к нему.

Укрываясь им словно пледом, охотник постепенно начал согреваться. Сперва бесцеремонное действие нежданного гостя не понравилось хозяину, но, отдавая свое тепло, животное чувствовало уже другое, которое согревало его, - белька.

Как будто чужая кровь вливается в плоть и инородное тело не отвергает ее, а принимает как свое собственное.

Марк начал постепенно осознавать все произошедшее с ним. Цепь роковых ошибок по воле судьбы и по жребию случая привела его сюда. Раз за разом он уходил от смерти, но еще одна последняя, должна была решить все. Предстояла схватка с медведем. Охотник уже знал, что в тесной компании с бельком не замерзнет, но был, еще очень слаб для сражения. Только здесь он сможет собраться с силами и дать отпор белому хищнику. В том, что медведь находился где-то рядом, он не сомневался ни одной минуты.

Хищник никогда не упустит жертву, которая была так близка и которая не сможет оказать, сколько не будь достойного сопротивления. Животный голод гнал медведя по следу охотника, и тот же голод своим пустым чревом бился в пустом желудке человека.

Марк задумался, и мысли буквально роились в его сознании. Никогда они не были так просто сложены и так понятны. Почему же так? Только в минуту опасности мы готовы понять другое существо, лишь на краю нашей гибели, мы готовы принять другой непонятный нам мир, не отвергая его и жить с ним в согласии. Какое-то новое понимание всего происходящего, и мудрость, которая так просто открывается нам в минуты испытания, в другом, размеренном отрезке времени, остается почему-то закрытой.

Жизнь, которая как будто покинуло его, теперь билась в нем, с новой силой, давая еще один, может быть последний шанс осознать как хрупка, как невосполнима не только своя жизнь, но и каждого живущего рядом с тобой существа. Как братья и сестры, вдруг узнавшие друг друга в чужом обличии они протянули руку добра и помощи и заключили не шаткое перемирие, а вечный мир.

Так обнявшись с жарким телом детеныша тюленя, не заметно для себя, человек уснул.

Спал ли охотник час или мгновение, но он проснулся от того, как услышал, какой - то скрежет.

-Неужели медведь – подумал Марк, но все стало опять тихо, - а может галлюцинации. Только белек немного отстранился от него.

Веки охотника стали снова закрываться, как снова повторился шорох и сильный скрежет.

Он все отчетливей начал понимать, что звук идет, откуда-то снизу. Но кто бы это мог быть?

Человек видел, как белек прислонился к тому месту, от которого шел шум и начал подавать

голос, пытаюсь зубами выцарапывать лед. Это шуршание продолжалось около часа и с каждой минутой становилось все отчетливее. Догадка поразила сознание человека, но он отбросил ее, не веря в ее исполнимость.

Ибо невозможно представить более бессмысленного занятия как пытаться пробить брешь во льду, не имея под рукой хоть мало-мальски подходящих для этого инструментов, но кто-то не слыша, не доверяя человеческой мудрости, повинаясь своему инстинкту, вгрызаясь в плоть твердого как железо дрейфующего ледника.

Тюлень – мать вот уже несколько часов зубами резало лед, пытаюсь пробиться к своему детенышу. Никто и никогда не будет более преданным к своему творению, как та, что породила его на свет. И невозможное стало реальностью.

Лед не сразу поддался, нет, он сопротивлялся, но и он всего лишь вода, скованная холодом оказался бессилён перед горячей волей живого существа.

Она должна была напоить своего малыша молоком, приласкать своими неуклюжими конечностями, обнять, приободрить, посмотреть ему прямо в глаза.

Лед покрылся мелкими трещинами, затем, рассыпаясь и проваливаясь в глубину, начал образовывать лунку. Кто-то, глотнув воздух, последним усилием пробился наверх. Над водой показалась голова.

Марк готов был поклясться, что именно этого тюленя он видел до падения и, скорее всего он и провалился в его старую полынью.

Не веря в происходящее, впервые столкнувшись наяву с происшедшим, мы не верим в чудо, что стихия побеждена материнским, любящим сердцем.

Мать - тюлень сначала осмотрелась, поворачивая свою круглую голову по сторонам, так что было заметно сходство между ней и детенышем, затем начало медленно выползать из лунки, которая еще была узка, но вскоре она сделалась довольно просторной.

Еще раз, оглядевшись и не почуяв постороннего запаха, мать-тюлень выползла на лед.

Может потому, что на нем было перевязано несколько шкурок белька и тело было покрыто тюленьим жиром - все это помогло обмануть мать или инстинкт снова взял вверх над опасностью. Он этого не знал.

Она неуклюже подползла к детенышу и прижалась своим телом к бельку, издав какое-то радостное урчание. Глаза обоих закрылись, в каком то сладком томлении. Никогда еще в своей жизни он не видел столько ласки, и даже не мог себе предположить, что те, кто для него всегда были лишь шкурой и мясом, способны на такое.

Они снова оказались вместе. Детеныш притронулся к соску и начал сосать молоко. У Марка от голода закружилась голова и он одним движением, выгнув свое тело, перекатился, и тем самым отрезал путь отхода тюленя к полынье. От неожиданности всего происходящего, мать - тюлень заметалась, но каждый раз наталкиваясь на ледяную стену, вскоре затихла.

Прислонившись головой к одной из стен и не желая смотреть в глаза своему душегубу, она покорила своей судьбе, ... но с удивлением почувствовала, как незнакомец начал жадно пить ее молоко. Толчки были сильными, и еще до конца не понимая, что происходит, она оглянулась и замерла.

Человек пил ненасытно, алчно захлебываясь, судорожно сжимая звериный сосок, и тепло медленно разливалось по его телу.

Марк не помнил своей матери, но время как будто вернуло его туда, где он хватал руками ее грудь, лениво тянул молоко и смотрел ей в глаза, которые он вспомнил только сейчас, чей образ выплыл именно здесь в затерянном убежище на краю мира.

Как он мог забыть голубую, тоненькую жилку, которая как ниточка вела к ее розовому соску, этот овал, нежные руки и глаза, такие же добрые и спокойные.

Все произошедшее за сегодняшний день, да и то, что было прожито ранее, не имело больше никакого значения, кроме этой минуты, которая возвратила ему мать. Не желая, отрываться от груди, он плакал, стонал, и не было силы, которая могла оторвать его от этих воспоминаний. Уже никак не желая, поранить материнский сосок, человек начал уже не зубами, а мягкими как тогда в младенчестве, деснами, давить молоко из груди.

Он очнулся от прикосновения белька, который уткнулся к нему мордой, пытаясь объяснить, что он тоже голоден и если человек сыт, то он тоже был бы не прочь поесть. Брат меньший не требовал, а просил глоток молока своей матери. Его глаза, как и глаза, матери светились добром и светом.

Все происходящее для человека казалось сном, который не должен был не проходить никогда.

В необъяснимом порыве Марк обнял руками обоих и заплакал, сначала тихо, затем навзрыд, как человек после многих лет одиночества обретают семью и все еще не верит в чудо долгожданной встречи.

Марк уступил свое место, все еще не выпуская обоих из рук. Он испугался, что этот настоящий мир, к которому он всегда так стремился; и дорожил, сейчас обрушится, и снова черная бездна поглотит его, и он как прежде останется в одиночестве.

Так вместе с ними, покоясь в объятиях друга, Марк снова уснул.

Лишь изредка просыпаясь, он видел всех членов своей семьи, и счастливый засыпал снова. Он не чувствовал холода, прошел голод и после всего пережитого сегодня он действительно заснул как спят не зная забот дети, чьи цветные сны полны солнца и материнского тепла, постепенно открывая для себя с каждым днем новое и непонятное, и этот чум казался ему не простым нагромождением льдин, а ледяным дворцом из доброй сказки. Только шкуры бельков висящих на нем омрачали его расположение духа. Сколько родных братьев и сестер в беспмятстве, в зверином азарте были принесены им в жертву и ради чего?

Никакие деньги не могли принести такого ощущения покоя, счастья и главного смысла всего происходившего, и то, что непременно еще с ним произойдет.

2

Когда Марк очнулся от сна, наверно солнце уже было высоко, потому что свет пробивался через ледяной потолок маленькой пещеры, освещая новый мир, ведь каждый день не похож на вчерашний, и каждый следующий никогда не будет подобен на предыдущий.

Конечно, будет вставать, и заходить солнце и нести вахту над землей, но это будет уже совершенно другое светило, по форме напоминающее прежнее, но не по содержанию.

Марк огляделся вокруг. Рядом с ним сопел белек, который еще видел сон и толстыми губами все причмокивал и присвистывал. Матери – тюлень не было. Видно она уже давно оставила их, потому что место, на котором она лежала, уже успело остыть и покрыться тонкой кромкой льда. Все произошедшее с ним вчера с новой силой будоражило его сознание. Он схватился за голову, словно пытаясь остановить головокружение мыслей и расставить все по своим местам. Огромный лабиринт, в который он попал давным-давно, где как слепой выставив руки вперед, он так долго шел, то и дело падал и наткнулся на каменные плиты, на мгновение, где-то вдали затеплился огонек - как самая далекая звезда.

Словно слыша мысли человека, проснулся младший брат. Детеныш начал подтягиваться, хлопая по своему животу передними конечностями. Наблюдая за утренним пробуждением млекопитающего, он ясно представил, как еще недавно безжалостно убивал беспомощных бельков одним ударом по голове и часто еще с живых, снимал белую как снег шкуру.

-Доброе утро, белек – сказал Марк, - да, я так буду тебя называть.

Белек сладко зевнул и принял свое новое имя. Охотник подполз к детенышу и начал рукой, словно гребенкой расчесывать его дорогую, роскошную, белую шкуру, приводя своего подопечного в тихий кошачий восторг. Он начал урчать, затем переваливаться с одной стороны на другую, подставляя все новые места для рукотворного массажа. Нет, это не была плата за приют, за молоко, щедро разделенное вчера, нет, просто человек сам не смог

устоять, чтобы не обнять настоящее чудо природы.

Постепенно, не замечая того, они стали играть, вот также он мог играть часами со своей любимой собакой, которая, попав в капкан, покалечила ногу и больше не могла сопровождать его на охоте.

Человек вспомнил, как она скулила в последний раз и рвалась с цепи, пытаясь предупредить его, как будто предчувствуя наперед что-то неладное.

Вдруг вода в полынье задрожала и расступилась.

Из нее показалась знакомая голова с огромными черными глазами. Наблюдая за этой игрой, она как будто улыбалась, отчего ее усы рассыпались, как ржаные колосья по сторонам.

Белек, только сейчас заметив появление своей матери, сильными толчками устремился к полынье и своей головой прильнул на ее плечо. Снова вчерашний день и особенно ночь так отчетливо, так ясно пронеслись быстрыми картинками калейдоскопа, что у Марка перехватило дыхание.

Но животное не желало выходить из полыньи, покуда не получит хоть малое признание от своего старшего сына, она просила и от него немножко внимания и ласки.

Ведь каждая мать хоть раз накормившая чужого ребенка уже будет относиться к нему как к родному существу. И он чувствовал, что стал для нее близким, подполз к полынье и положил руки на ее голову. После того как все церемонии благополучно произошли, выбравшись на берег, мать перешла к своим обязанностям. Приободрив еще раз взглядом и похлопываньем своих передних конечностей, она легла на левый бок.

Белек в нетерпеливом ожидании первый устремился к ней, но остановился и обернулся в сторону Марка. Он не забыл о первоочередности.

-Смелей, смелей братишка – сказал человек и почувствовал глубокий стыд за вчерашний день и капли слез начали буквально градом катиться из глаз. Все свое прошлое бытие он ощущал как вторжение в жизнь этих существ. Но их души снова платили добром на зло, делясь с ним последним, снова предоставляли помощь своему вечному врагу.

Белек же понял, что его время пришло, не стал больше дожидаться и припал к соску.

Тишина повисла в этом гроте, изредка нарушаемая щербанием, причмокиванием и жадными глотками.

При виде этой величественной картины жизни Марк замер.

Только руки его, умеющую лишь убивать, впервые хотели взяться за кисть, чтобы не упустить ни одну, даже малую деталь, увиденного сейчас при солнечном свете. Пусть самую крошечную, но без которой не сложилось бы это великое полотно.

Сердце его билось в унисон с природой, принося с каждым ударом новые краски, палитры, лаки, которые все равно были не достойны такого шедевра. Только сейчас он подумал о боге, и ему захотелось помолиться. Он не помнил слова молитвы наизусть, лишь некоторые обрывки фраз,

Откуда-то из глубин прошлого гипсовыми слепками упали с уст, и еле слышимый шепот донесся с детским плачем.

-Отче наш, да светится имя твое, да придет царствие твое...

Он начал креститься своими тяжелыми руками, сначала вяло, будто боясь показать свою слабость, затем все сильнее и отчетливее и уже не только себя, свою плоть, но и все вокруг, потому что ясно понимал, что без всего этого окружения, он не сможет больше существовать.

Жить, как раньше он уже не хотел. Именно сейчас из слабости он черпал огромную силу, а слезы как будто-то промыли затуманенный от времени, кристалл человеческой мысли.

Теперь он видел все в ясном свете.

-Лучше умереть, но только не прошлое – шептали его уста.

Все что угодно он готов был принять в будущем, любые испытания: нужду, унижение, холод, но никакие посулы старого мира уже не могли погубить его бессмертной души.

Теплое молоко входило горячими струями в его нутро, да, именно так, потому что любой градус выше нуля в этой местности, приобретал огромную ценность жизни, ни с чем не

сравнимую и только побывавший здесь может до конца осознать это. Каждый порыв ветра, каждая снежинка, падающая непосильным грузом на плечи подвержены лишь одной цели: сорвать с тебя ауру тепла, маленькую, хрупкую оболочку и превратить в холодный, похожий на них, лишенный сердца, - предмет.

Но Марк - охотник будет бороться, не только за себя, но главным образом за них, за свою семью.

Черeda событий, произошедшая с ним и та помощь, предложенная братьями меньшими, вытащила его их ледяных и костлявых пальцев голода и холода. Теперь настала его очередь что-то сделать для них.

С медведем, с единственным владыкой этих мест предстояла схватка не на жизнь, а на смерть. Ведь именно он - охотник навел по своей глупости, хищника на этот затерянный в снегах приют белька.

И если человеку удастся уйти, то белек обречен, а может быть и мать. Тревога охватила его за судьбу родных ему существ. Словно читая его мысли, мать-тюлень впервые смотрела на него печальными глазами, разделяя с человеком его правоту и необратимость безжалостного будущего.

Марк нащупал рукой ружье, переломил его и увидел два пустых ствола. Дрожь пошла по его телу, когда он вспомнил, что вчера утопил свой патронташ в проруби. Выйти на медведя в открытой местности безоружным – это чистой воды самоубийство. Даже после того как он нашел в своем рюкзаке складной нож, не увеличили его шансы охотника ни на йоту.

Человек проклинал себя, что слишком долго терпел у себя за спиной тень этого белого исполина. Присутствие медведя даже льстило его охотничьей гордыни, хотя он и держался всегда на почтительном расстоянии, было несколько моментов, когда можно было разрубить этот гордиев узел. Лишь белек, все еще не осознавая своей участи, терся у ног Марка, как будто просил поиграть. Человек запустил свою руку в его толстую, белую шкуру и начал поглаживать ни на миг, не отрываясь от своих тревожных мыслей.

-Мы в капкане – впервые вслух произнес человек и сам удивился тому местоимению, которое применил.

-Да, теперь нас трое, а медведь один.

Это было первым преимуществом, которое он нашел в этой непростой ситуации.

-Из капкана, в который мы попали, надо сделать западню для хищника. Но как?

Слово, сказанное и слово, сделанное редко расходились у охотника. Он снова задумался и начал что-то искать в рюкзаке. Все что попало ему под руку; был короткий, намотанный на деревянный брусочек кусок лески и капкан, который подходил разве что на песка.

-Чтобы победить зверя надо предупредить его внезапное появление. И если медведь попадет в него и поранится, что неминуемо вызовет его агрессию, то это возможно станет еще одним преимуществом в неравной схватке. Тогда он пойдет напролом, и может, совершит ошибку, которая будет стоить ему головы, а нам дарует жизнь. Кто-то один останется победителем: либо он, либо мы.

Снова он произнес это слово – «мы» и улыбнулся. Еще совсем недавно он бы посчитал любого безумным, кто бы назвал себя членом звериной семьи, причислил бы себя к животной стае. Но не он уже столько выстрадавший и осознавший.

Но пора было уже что-то предпринять. Марк вытащил из рюкзака пахучую приманку, маленький, завалившийся кусок вяленого мяса, ловко одел его, как будто нашпиговал на железную шпажку капкана, и, пробравшись между льдинами, вышел наружу. Солнце ослепило его на несколько секунд.

Глотнув свежий воздух, он начал осматривать место, где лучше всего установить западню.

-Запах мяса при таком ветре разнесется очень быстро, жаль будет, если кто-то другой попадется в него, ну это было дело случая, тут как говорится, кто быстрее тот и съел – думал охотник

Марк решил поставить капкан в двухстах метрах от входа в грот, что он благополучно и

сделал, присыпав его снегом. Затем он уничтожил свои следы возле приманки. Это расстояние было безопасным и позволило бы вовремя поднять тревогу и быть при оружии. Grimаса иронии исказила его лицо при слове – «оружии».

Осмотрев свою крепость снаружи, человек остался доволен толщиной ледовых стен и был уверен, что слабым единственным местом был лаз, вход, но он был узким и продолговатым для широких плечей медведя. Хищник мог протиснуться в него только головой и максимум одной лапой.

- Придется драться с ним лицом к лицу, только не дать ему завладеть пространством, свести все его преимущества к минимуму – убеждал он себя.

Медведь был опасным, хитрым и коварным противником. Он с места мог развить скорость до шестидесяти километров, а вес этого гиганта в некоторых случаях мог достигать одной тонны.

Его длинные, словно ножи - когти в считанные секунды могли разорвать любую плоть. Одним ударом он может переломить хребет лосю - парнокопытному царю леса. Его челюсть без труда переламывает не только кости, но и череп жертвы, вне зависимости от его размера. И то, что он всеяден, делают его шансы на выживание практически неуязвимыми.

Все это Марк знал не понаслышке. Несколько раз ему приходилось видеть людей, которых поломал зверь. Только у матерых хищников есть особый вид охоты: не убить жертву, а искалечить ее, принести ей как можно больше страданий и нагнать такой ужас, после которого она больше никогда не искала встречи со своим мучителем. Какие страшные рубцы оставляли его когти, которые с мясом вырывали живую человеческую плоть буквально до кости.

Еще раз, оглядевшись по сторонам и не видя ничего кроме белой, безмолвной пустыни, охотник молча стал, пробираться через узкий лаз во внутрь: то и дело заостря тупые концы льдин ножом в острые как стекло мечи и конусообразные колья, которые должны были помешать хотя бы на первых порах победному натиску, не знавшего поражений противнику. Белек снов спал сном праведника, ведь только так он быстро наберет вес, сбросит свой белый мех на серо-черный, потеряет правда несколько в своей красоте, но приобретет легкость и грацию в своей новой родной среде, которая его еще пугает, но уже манит за собой. И все это с ним произойдет, в этом человек был совершенно уверен, да, если ему удастся отстоять его право на жизнь.

-Когда же это все произойдет: сегодня или завтра? – начал вслух рассуждать Марк. Нет, скорей всего все случится завтра.

Он не мог знать, что творится в сером веществе кровавой бестии, но внутренний голос, который кажется, замолчал навек в нем, вдруг ответил ему утвердительно, и верная тень, стала, как и прежде на чеку, хотя в этой мышеловке в ней вряд ли была какая - то необходимость.

Оставшись наедине с бельком, Марк снова обнял его горячее тело, согрелся и закрыл глаза. Медленно тянулись минуты, но сон не приходил. Человек ждал еще одного члена семьи, своей матери, которая должна была, уже появиться и только тогда он уснет, спокойным и крепким сном. Всплеск воды, фыркающее дыхание возвестило о приходе той, которую он с таким нетерпением ожидал. Правда на этот раз оживление длилось в гроте недолго, и уже через полчаса наступила тишина.

Человек был готов к схватке, правда, не имея никаких средств к защите, но это было не главным, в его душе появилась вера в собственные силы, ему было за кого драться, и страх медленно проходил.

А, зверь и не думал упускать такую легкую возможность свести счеты с тем, кто так упрямо заходил в его владения и без меры черпал богатства, не спрашивая его, владыку снежного царства согласия. Медведь шел за человеком, незримо наталкиваясь на следы его бесчисленных убийств, и ярость охватывала его.

И тогда он решил мстить человеку. Но никакое животное не было умнее этого двуногого дьявола, к которому и подкрасться было совсем нелегко. Ночью его всегда оберегал костер, а днем рукотворный гром, который безжалостно поражал любого на большом расстоянии. Этот гром и спас человека в прошлый раз. От воспоминаний о неудачной охоте, когда добыча была так близка, у него свернуло челюсть, и голод забарабанил в его брюхо как стая весенних дятлов.

Ни одно животное медведь не подпустил к тому месту, где должен был находиться человек. Он отогнал стаю полярных волков, которые заинтересовались этим охотничьим угольем, но взгляд и рычание медведя дали ясно понять, что это смертельно опасно. Даже песцу, своей надоедливой тени он не дал право забежать вперед и что-то разузнать.

Зверь кругами обходил этот малый участок своих огромных владений, с каждым разом уменьшая длину радиуса, что постепенно приводило его к искомой точке.

С первыми проблесками зари медведь отправился на охоту. Час схватки пробил.

Ветер дул в спину медведя, но это не пугало его, собак с человеком не было, а обоняние его было слабым, и едва ли он мог почувствовать присутствие врага раньше, чем безжалостную силу смыкающихся над ним челюстей.

Горячее дыхание и хруст снега нарушали безмолвное утро.

Чем ближе подходил медведь, тем осторожнее становился он. Он тянул воздух своими черными ноздрями в себя, затем выдыхал его и снова двигался к своей цели, то, замирая, то, трусцой, неизменно сокращая расстояние до последнего броска в сторону жертвы.

Вдруг посторонние запахи отвлекли его внимание от человеческой плоти.

Запах тюленя и еще один, который он так часто чувствовал у жилища человека. Этот дух доносился чуть в стороне и, был очень слабым, но он неразрывно был связан с человеком, только поэтому медведь решился отклониться с прямого пути. Ненависть его была сильнее голода. Хищник приблизился к месту, откуда исходил запах, но ничего необычного не увидел: только снежные сугробы и маленький кусок вяленого мяса. В бешенстве от того что, его снова провели или то, что приманка была так издевательски мала, для него кто сразу сможет съесть до 80 килограммов мяса, медведь не наступил, а только отшвырнул эту жалкую подачку. Тут же он услышал посторонний звук и почувствовал, как лязгнули железные челюсти капкана.

Медведь заревел и встал на задние ноги. Но капкан не мог сильно поранить медведя, он лишь краем вцепился в его толстый мех и подкожный жир, тщетно порываясь вырвать еще и кусок мяса.

Красные глаза ярости как кровавые капли на белом снегу горели звериной злобой и звали к отмщению. Первая кровь пролилась. Хищник не чувствуя боли помчался напрямик туда, где еще вчера он оставил человека, чтобы рассчитаться с ним за все.

Нет, он его не сразу убьет, он сожрет его живьем. От этого предвкушения ему стало легче.

Рев медведя как порыв ветра сбросил лоскутное покрывало сна в пещере. Человек открыл глаза.

-Ну, наконец-то - подумал Марк.

Ожидание было худшим испытанием, чем присутствие зверя. Белек от страха забился в угол, только сейчас понимая всю безвыходность своего положения, заскулил. Мать прибадривая его, сама не в силах была унять смертельной дрожи. Человек схватил нож и встал на страже у входа. Слышно было как медведь, добежав до укрытия человека, обошел его, затем взобрался на крышу, безуспешно пытаясь сильными ударами передних ног пробить брешь, стал искать новую возможность пробраться вовнутрь. В конце концов, он увидел узкий лаз,

из которого так явно чувствовался запах человека и тюленьего мяса. Зверь глотал воздух, и слюна горячим ручейком начала стекать на снег и плавить его. Немного потоптавшись на месте, он всунул свою переднюю лапу и начал круговыми движениями шарить вокруг, пытаясь своими когтями зацепить все живое.

Видно было, как его когти сгребли лед как хорошо наточенные ножи, а сила была такова, что искры буквально вырывались из-под них.

Дыхание медведя становило все тяжелее. Нетерпение охватывало белого господина заполярного мира.

Но сильным, почти отвесным ударом ножа охотник пригвоздил пятипалую руку неприятеля ко льду.

И тут же пожалел об этом: так как вместе с лапой хищника исчез и нож. Рычание буквально содрогнуло ледовую обитель пленников. Марк застонал и начал от отчаянья биться головой о ледовый панцирь.

Таким ударом, какой он нанес в лапу медведя, наносят в сердце, зная наверняка, что он будет последним.

И вот теперь не наделенный от природы ни острым зрением, ни чутким обонянием, ни сильными зубами, он остался голым перед безжалостной машиной смерти. Глупым и не нужным жестом он перечеркнул не только свою жизнь, но тех созданий, которые отдали себя под его защиту. Он не мог смотреть в глаза своей семье. Все было кончено. Да, медведь был ранен, но не смертельно. Теперь он будет иметь дело со зверем, который страшнее и беспощаднее. словно подтверждая эту мудрость, животное, вырвав нож из лапы, взвыло, и принялась штурмовать ледовый бастион. Еще раз, буквально взлетев на крышу, он начал наносить чудовищные удары все своей мощью, не утоленной злобы.

Никакое другое укрытие не могло бы устоять перед этим напором, но это стояло, лишь изредка содрогаясь и колеблясь. Не было другого пути для медведя как тот, что принес ему страданье и он

снова ринулся к лазу. Нет, теперь он не будет так глуп как раньше. Сантиметр за сантиметр, шаг за шагом он будет расширять проход в узкой горловине входа. Он даже добился небольшого успеха, когда что-то задрожало и рухнуло. Но дальше перед ним по бокам стояли ледяные стены, который Марк еще вчера полил водой из проруби. Зубы и когти скользили по этой поверхности, не обращая никакого внимания на рычание живого существа.

Зазеркалье было безучастно к суетным делам, занятое лишь собой, упиваясь своей, вечной красотой безмолвия.

И все же медведю удалось сделать невозможное. Теперь в лаз могла пролезть его голова и одна лапа. Через мгновение белек впервые увидел того, кто был ужасом и проклятием его племени. Огромный медведь, который, наконец-то воочию увидел свою жертву: мать-тюлень возле пробитой во льду лунки и ее детеныша. Казалось, что ничего не ускользнуло от чутких глаз медведя, но он не видел человека. Вот кто нужен ему в первую очередь, уже потом придет время до всех остальных.

Но его главный соперник находился в нише, которая находилась за головой медведя.

Еще мгновение назад ничего не было ясно для охотника, но, быстро оценив обстановку, что раненой, правой лапой зверь вряд ли пойдет на второй штурм, а значит, задействует левую, поэтому именно слева притаился охотник, держа в руках острую леску. Все случилось, как он и предполагал.

Зверь выбросил левую лапу вперед и только затем просунул свою толстую и массивную голову. Зубами медведь отгрызал ледовые стенки входа, желая как можно сильнее упрочить свое присутствие внутри. Его сильные плечи давили, пока голова окончательно не влезла в проход. Уже не вслепую, а, видя, где находятся жертва, он стал тянуться, до белька.

Детеныш закрыл глаза и приготовился к смерти.

Но рев и борьба заставила его снова поднять веки. Он не видел как человек, увидев в проеме длинную шею медведя, быстрым движением накинуд на нее леску, и ногами найдя упор, сдавил что было мочи. Упором служили две ледовые ступени, который он выдолбил

еще вчера ножом, который сейчас лежал снаружи уже безучастный к этой битве. Хищник захрипел. Еще до конца не понимая, что происходит, он почувствовал, как ему не хватает воздуха, как что-то острое вонзилось ему в шею.

Он попытался сбросить эту жалищую змею, опуская свою голову вниз, чтоб она, скользнув по лоснящемуся меху, выпустила его, но она еще сильнее вгрызлась в кости и хрящи горла. Тогда скорей от безвыходности положения, чем, подчиняясь здравому смыслу, он начал кивающими движениями головы пробовать ослабить мертвую петлю. Голова заработала как огромный маятник: вперед и назад. Первые движения не принесли ему облегчения, но новые попытки, ослабили давление и, зачерпнув воздух, он начал все отчетливее чувствовать свободу.

Ни одно существо на земле не способно сдерживать эту гору мышц, силы человека таяли от чрезмерного напряжения, постепенно уступая мощи зверя.

Леска резала руки охотника, туловище и ноги выгнулись в дугу, а жилы как канаты готовы были лопнуть в любую секунду. Зверь начал елозить охотника по ледяному полу и ноги, выскользнув из ледяных ступеней, сразу оказались под хищной пастью, правда, немного сбоку, что и спасло ему жизнь. Почувствовав так близко запах человека, медведь уже хотел вонзить свои клыки в него, но, сгруппировавшись и оперившись ногами в челюсть медведя, Марк из последних сил сдавил петлю.

Казалось, что медведь уже был побежден, охотник видел, как с каждым мгновением затухали его глаза, погружаясь во мрак вечной ночи. Как вдруг напряжение ослабло, и он тяжело ударился головой о ледовый пол.

В самый последний момент леска лопнула и освободила хищника, который, не веря в свое спасение, выполз из входа, весь, дрожа от конвульсий.

Обе стороны находились на том краю своих возможных сил, а вернее сказать измождения, что, не договариваясь, отошли на свои первоначальные позиции, и каждая могла зачислить эту схватку, как в свою победу, так и в поражение.

Смерть снова пришла к охотнику правда сейчас она явилась ему в виде сирены: полуженщины и полурыбы. Красивое и величественное лицо смотрело на него. Изящное тело слепило своей наготой и призывало, как будто отречься от всего земного и разделить с ней, его вечное одиночество.

Его взгляд скользил сначала от шеи, затем упал на плечи, потом остановился на ее высокой груди и плавно поплыл до отливающего серебром хвоста рыбы. В руках она держала лиру, играла на ней и что-то пела. Струнная мелодия заворожила его, и он стал приближаться к ней.

Все нравилось ему в этой незнакомке: стать, правильные черты лица, нежный голос и волосы, которые развивались черным бархатом, а главное, чувство спокойствия веяло во всем ее облике. Ему оставалось только взглянуть в ее глаза...

Марк пришел в себя от прикосновений, острых усов и горячей плоти, которые прикасались к его руке, словно целуя и шептывая что-то. Белек все еще дрожал от страха, но смотрел на охотника преданными глазами, иногда оборачиваясь в сторону прохода, корча невидимому врагу страшные детские рожицы.

У его изголовья находилась мать, которая то и дело льнула к его шее, затем она легла рядом и напоила человека своим молоком. Вскоре она стала пристально осматривать его тело.

Увидев капли крови, она забеспокоилась и стала промывать раны, облизывая их языком.

-Слава богу, все живы - подумал человек.

Марк отчетливо вдруг понял, что они вместе обратили в бегство самого сильного хищника на земле и смело могли себя считать победителями. Он не хотел думать, что война, развязанная медведем, скорее всего, закончится в его пользу, потому что все возможности на спасение были исчерпаны, и теперь осталось только молиться и надеяться на чудо. Нет, сейчас находясь в сознании, в груди его разливалось тепло от исполненного долга, пусть не до конца, но никто не мог бы сделать большего, чем он – человек, слабое существо, из плоти и крови, чьи силы ограничены самой природой. Никто не сможет упрекнуть теперь

его, - даже он сам. Сбросив с себя оцепенение, он начал медленно подниматься.

Медведь, измученный борьбой, все еще дрожал. Только здесь в безопасности, от того страшного места, где он чуть не погиб, он начал приводить себя в порядок. Он не помнил, как позорно бежал, не оглядываясь, как загнанный олень, который не в силах принять последний бой с матерым хищником глаза в глаза. Только боль в передних лапах заставила его остановиться и упасть в снежный сугроб. Ни одна живая тварь до этого случая не смела, бросить ему вызов, никто не оспаривал его право распоряжаться чужой жизнью по своему усмотрению. Да, добыча сопротивлялась и даже отчаянно, но никогда на равных, никогда не стоял вопрос, чтобы разменять свою жизнь хищника на жизнь жертвы. В сердце гиганта поселился страх. Никакой голод не заставит его вернуться назад. Он видел, как смеется над ним песец, как сорока затрещала вдалеке, разнося по всем окраинам одну только весть, что властитель мира повержен.

Медведь закрыл глаза и начал медленно ворошить прожитые весны, как летописец перечитывает старые страницы пожелтевшей от времени книги жизни. С первого появления на свет в снежной берлоге, где молодая самка произвела потомство, единственного щенка, до этой роковой минуты. Он вспомнил, как мать учила его переносить холод и голод, как подкрадываться и добывать в этом заснеженном мире добычу и когда после двух лет она оставила его, передав свой бесценный опыт выживания, даже тогда он не знал и не ведал этого унижающего чувства страха.

С каждым годом он набирал силу и опыт, чтобы однажды вступить в единоборство за продолжение рода с другим более сильным, матерым своим собратом.

Медведь до сих пор чувствовал те могучие удары передних лап, тот смертельный захват безжалостных челюстей, но он мог сопротивляться и отвечать ударом на удар, и за каждую нанесенную рану платить еще более страшной раной.

Не соперник по образу и подобию был страшен ему, потому что он был ему понятен и открыт, а тот чье только неуловимое присутствие столько принесло ему страданий и боли. И снова выплыли картины из недалекого прошлого: как он попал в капкан, как острый стальной зуб прокусил его лапу, и что-то острое обвило его шею, и он снова почувствовал симптомы удушья. Зверь не мог разгадать тайну неуязвимости человека. Надо было признать себя побежденным и навсегда оставить эти места, чтобы больше не встречаться с ним. Но стоит один раз уступить и тогда конец. Ни одно животное больше не будет с ним считаться, да оно будет как прежде сторониться его, уступать дорогу как слабый перед сильным, но уже не будет его уважать.

Его род за несколько сотен тысяч лет выживания на этой земле прошел эволюционный путь развития от низшей ступени, от ничтожного грызуна до самой его вершины, звериного престола, на котором восседает он, – белый медведь. Да, пускай где-то его судьба как вида решалась жребием, пусть незаслуженным, несправедливым, но покуда он жив, он не уступит свое право первенство, не отдаст ни сантиметра своих охотничьих угодий без последнего, решающего, смертельного боя.

Голос крови, негибаемая воля поколений и инстинкт победителя заговорили в нем. Он будет драться за один шанс из тысячи, и если и его не будет, он все равно будет сражаться, ожесточенно, беспощадно, не жалея ни себя ни врага. Он стоит на страже бессмертия своего рода и послужит ему до конца.

Разворошенное гнездо сомнений было раздавлено раз навсегда. Обычные навыки, которые помогали ему в ежедневном поиске и добычи пищи тут не могли помочь. Надо было предпринять что-то неординарное, перехитрить человека и это было самое трудное.

Напрягая все извилины своего мозга, и вспоминая весь ход схватки, он уделил особое внимание одной детали, которая сначала показалась ему незначительной, но возможно она станет ключом к окончательной развязке и поможет пробраться внутрь грота. Все последующие события не беспокоили его, потому что в мастерстве убивать ему не было равных. И главное, никто не уйдет от возмездия.

В его большой голове созрел хитроумный, а главное неожиданный для человека план.

Убаюканный собственными мыслями медведь начал медленно проваливаться в безмятежный, полный спокойствия звериный сон.

Тем временем в ледяном чуме Марк почувствовал прилив сил и понимая, что дарованная передышка не будет долгой, стал готовить свой бастион к новому приступу. Его крепость на первый взгляд казалось, не пострадала; по крайней мере, внешне она казалось нетронутой, но внутри мало, чем походила на внутреннее убранство, на ту обстановку, которая была сотворена самой природой, сейчас лежало в полном хаосе и запустении. В некоторых местах монолит стен был буквально сокрушен дьявольской силой медведя. Кое-где виднелись вырванные клочья звериной шкуры, кровоподтеки, слепки зубов, которые в отчаянье оставляла ненависть как вечные письма, как зарубки неутоленной мести.

Постепенно он начал приводить все в порядок как врач, осмотревший больного и установив точный диагноз, накладывает гипсовую повязку на раздробленные, сломанные конечности. Он складывал ледовые куски в единое целое и обильно поливал студеной водой. Уже вскоре раны начали затягиваться, доказывая умелость и правильность лечения. Эта работа утомила его, но, понимая, что подготовка к сражению, часто определяет его исход, он отнесся к ней со всей ответственностью.

Когда все было восстановлено, охотник вернулся в пещеру. Он сел, прислонившись к ледовой стене, и вытянул затекшие ноги. С наступлением темноты тревога не покидала его. Только белек носился по пещере: веселый и возбужденный, пытаясь любой ценой рассеять тревожные мысли Марка. И в какой-то момент это ему удалось. Поддавшись настроению, и не устояв перед его смешными гримасами, охотник рассмеялся и, копируя неловкие движения белька, начал ползать по полу пещеры как гусеница, переваливаясь, то и дело сталкиваясь с бельком, образуя клубок из перемешанных в азарте игры тел; так что трудно было разобрать: где, и какая часть принадлежит одному из играющих. Охотник почувствовал, как за игрой стряхивает заботу и усталость тяжелых и трудных дней и, понимая, что этим он обязан своему младшему брату, прижал его к своей груди. И детеныш, всем своим существом отзываясь на теплоту и нежность человеческих рук, своими маленькими передними конечностями обнял охотника. Они долго не расставались, не в силах, не желая разрывать своих объятий. Только в глазах матери горел огонь тихого счастья, что два близких, родных ей существа так ладят друг с другом, что хотелось плакать, но чтобы не пропустить ни одно из мгновений единения человека и животного, она сдержала свое желание. Сейчас она снова вспоит их молоком, приласкает и обогреет. Взгляд ее больше не искал спасительной полыньи. Нет, она не оставит их, понимая где-то в глубине, что совершает преступление, что с ней прервется тонкая нить, незримо ведущая из прошлого в будущее. Что она как мать сможет принести на свет еще ни одного щенка, но она не хотела и не могла оставить именно этого, ей родного и пришлого, волею судеб, оказавшегося рядом с ними. Мать - тюлень не могла остановить наступление завтрашнего дня, она лишь желала продлить эту ночь, может быть последнюю для нее, и для них. От тоски у нее защемило сердце, как у прилежного родителя, который не может защитить свое дитя от смертельной опасности, чья помощь заключается лишь в том, чтобы остаться с ним до последней минуты и разделить боль и страдания до самого конца. Она сделала свой окончательный выбор. Она не покинет их, тем более сейчас, когда они так нуждаются в ней.

Наступал третий и последний день схватки. Облик неизвестности все ясней вырисовывался в первых проблесках утреннего света. На ее белом холсте проступили первые очертания, и уже можно было ясно видеть косолапую, скользкую тень на отдающем перламутром, словно топленое молоко, снегу. Медведь прихрамывая, плелся навстречу судьбе. Но чем ближе он подходил, тем уверенней становился его шаг, каждое движение приносило ему облегчение, постепенно сбрасывая тяжелый груз оцепенения, он чувствовал, как силы вновь возвращались к нему.

Как рыцарь готовый к битве, который снял забрало и отбросил в сторону щит, и решивший на божьем суде испытать свою силу, так и медведь больше не подкрадывался, не таился, а шел в открытую, медленно сокращая дистанцию, приближаясь к противнику. И запевший песец как верный герольд, заблаговременно возвестивший о приходе своего господина, все еще продолжал перечислять царские титулы великого сюзерена, увенчанного лаврами бесчисленных и славных побед.

Но коварный соперник не принял честного боя. Человек укрылся за броню ледовых стен, понимая, что только так, он сможет защитить себя и свою семью. Медведь как седой полководец, остановленный у ворот этой крепости, после безуспешных и кровопролитных штурмов, не меняя своих стратегических целей, решил изменить лишь тактический ход событий. Зверь снова обошел ненавистное укрытие человека.

По-прежнему запах отчетливо доносил его присутствие вместе с тюленем. Одного он не мог понять, как хищник и жертва могут жить в одной берлоге, не причиняя друг другу вреда. Хищник не обратил никакого внимания на вещи, оставленные снаружи, предчувствуя снова какой-то подвох или западню. Охотник же еще вчера в порыве безысходности выставил рюкзак и одежду, в которой он провалился в воду, и которая задубела от холода и приобрела некое телесное сходство с человеком, было, как пугало выставлено на растерзание. Марк давал возможность белому исполину выместить свою злобу на предметах, чья вина заключалась лишь в том, что они несли на себе ненавистный запах и хоть на несколько минут отодвинуть схватку. Но приманка не сработала, вызвав первое замешательство в безотказной до этого случая логической цепи человеческого разума, что-то шло вразрез, кто-то, не желая подчиниться, ответил не стандартным действием своего лукавого мышления. Почувствовав руку достойного соперника, человеческий мозг начал мучительно искать свою ошибку и стал все явственней подавать сигнал тревоги.

Нет, он больше не поддастся слепому искушению, прежде чем сделать шаг в сторону человека, он сто раз подумает и выберет единственный и быть может самый простой, такой очевидный, лежащий на поверхности хитроумный, изящный, гроссмейстерский ход. И белый медведь еще долго ходил вокруг ненавистных стен, усыпляя внимание человека, всем своим видом показывая, и понимая бесполезность новых попыток вторжения, казалось еще немного и он уступит, не в силах разгрызть ледовый панцирь. Но хищник уже давно приступил к исполнению своего плана, раз за разом отходя немного в сторону, осторожно работая своими передними лапами, чтобы вскоре снова вернуться к осажденному чуму, не вызвав подозрений, как загулявший гость снова постучавшийся к не очень гостеприимным хозяевам.

Что дьявольский план уже работал, можно было судить и потому, какая мертвая тишина царила в стане осажденных. Охотник недоумевал, столь разительны были перемены поведения неприятеля, что казалось, они имеют дело не с вчерашним, диким и безжалостным хищником, а другим невесть откуда заплутавшим медведем одногодком, не смысленным в житейских делах. И стоит просто выйти и палкой отогнать белого скитальца, который боится пока даже собственной тени. Но внутренний голос из чрева, который стоял на страже первобытного человека помог и homo sapiens не совершить роковой ошибки. Внутреннее напряжение внутри противоборствующих сторон росло, что неминуемо должно было привести к электрическому разряду, к прямой агрессии. Тишина бала обманчивой и

смертельной. Порыв ветра скрыл от охотника и так едва уловимый всплеск воды. Только песец завыл в предвкушении своего куска мяса, который ему всегда оставался от не очень щедрого хозяина.

Встав на страже у входа, Марк держал в руках ружье, но не как, раньше, прислонив приклад к плечу, а другой, придерживая тяжелый ствол, нет, на этот раз высоко вверх, как первобытную дубину, готовый в любую секунду обрушить сокрушительный удар по черепу медведя. Но мгновенья таяли, превращаясь в томительные минуты ожидания. Как вдруг, тень, его верный напарник, который уже не раз выручала из смертельной опасности, успела прошептать - обернись, и в тоже миг из полынни внутри пещеры показалась голова хищника. Белая корона зубов величественно выплыла из воды.

От неожиданности в первый момент человек отпрянул к самой дальней стенке грота, полный оцепенения и ужаса. Казалось, сердце не стучало, оно окаменело. Так вот в чем заключался хитроумный план. Он был построен как математиком не только в горизонтальной, но и в вертикальной проекции. Все возможные плоскости были просчитаны его звериным мышлением, чтобы найти одну уязвимую точку. Фактор неожиданности был настолько силен, что если бы хищнику удалось быстро выскользнуть из воды на лед, то никто не смог и не успел бы оказать ему сопротивление.

Но узкая окружность полынни не давала ему, возможность для маневра, не взломав предварительно ее края. Мать – тюлень уже сутки не пользовалась полынней, и это подарило спасительные минуты.

Паника и переполох царили внутри ледяного склепа.

Кажется, что все учел охотник, но как он мог забыть, что медведь еще и отличный пловец.

Хищник без труда может проплывать десятки километров, нырять на большую глубину, надолго задерживая дыхание под водой.

Под сильными ударами передних лап медведя лед начал разламываться и крошиться.

Наконец, придя в себя, Марк подбежал к полынне и начал наносить сильные удары по голове зверя прикладом. Медведь взвыл, приходя в бешенство, пытаясь сбить обидчика с ног и опрокинуть его под себя, но ловкость и быстрота движений охотника не позволила ему это сделать. Хищник попытался встать на передние ноги на лед, но сильный удар снова опрокинул его в воду. В пылу боя Марк не заметил как мать – тюлень тоже подползла к полынне и рычанием и оскалом зубов, всем своим видом показывая, что она готова и будет драться до конца. Даже белек, в чьих глазах так явственно читался страх, корчил воинственный оскал, находясь, правда, чуть позади. Чаша весов снова закачалась в равновесии, не решаясь окончательно упасть, на чью либо сторону.

Но, видя добычу, которая так долго скрывалась под защитой ледовых стен, хищник и не думал об отходе. Опьяненный запахом крови, пусть даже своей, он снова и снова пытался запрыгнуть на лед. Полыння становилась все шире, и охотнику все трудней было добраться до головы соперника. Подняв свое туловище высоко над водой, медведь заработал лапами как ветреная мельница. Одним из таких ударов охотник был отброшен от полынни и медведь впервые почувствовал под ногами твердую почву.

Больше никто и ничто не могло спасти пленников от неминуемой гибели. Человек стоял первым в ряду, на которого неотвратимо надвигался белый медведь, за ним мать-тюлень и ее детеныш. Безграничная тоска и жалость разливалась горячей лавой в груди охотника. Он не сумел их защитить. Но только после него, медведь прольет кровь родных и дорогих ему существ. Но Марк никогда не увидит их смерти, потому что его собственная будет идти в авангарде. Человек приготовился умереть, и ничто не могло поколебать его решимость.

Только одна мысль, вспыхнувшая лучом света в темном лабиринте, как сквозняк свежего воздуха в затхлом каменном мешке, не давала успокоиться его душе. Что-то неисполненное до конца, тяжелым камнем лежало в ней и лишало спокойствия в последнюю минуту. Как будто не все средства для борьбы были исчерпаны. Осталось еще одна! Но какая?

Марк начал судорожно вспоминать все перипетии последней охоты и наткнулся на

отсыревший патрон, который он наверняка выбросил или все-таки, сохранил? Судьба этого патрона ему была важнее своей, потому что она могла защитить тех, кого он спасти был уже не в силах. Это был шанс. Не было времени объяснять, когда он, покинув свой строй с ружьем в руках, выбрался из пещеры через узкий лаз. Человек видел недоуменный взгляд матери, которая не осуждает, а прощается с ним, и полные презрения круглые как блюдца глаза белька. Он не нарушил клятву. Нет, он не бежал, он сейчас вернется и встанет навсегда первым в этом строю. Секунды, если не мгновения решали общую судьбу.

Выбравшись наружу, Марк начал искать свой последний шанс: как наверно белка ищет когда-то еще летом спрятанный, заготовленный на зиму орех; как дятел методически простукивает все тайники и щели, как волк рыщет по своей территории в поисках спасительной дичи, как птица ударяет крыльями о края замершей полыньи, пробуя в последний раз взлететь.

Но патрона нигде не было. И снова теперь уже как падальщик, как пожиратель мертвечины, он опять прикоснулся к останкам и обнаружил то, что так мучительно искал. Его пальцы нащупали маленький, холодный предмет и, схватив его, он быстро, уже на четвереньках полез в лаз, на ходу заряжая ружье.

Медведь увидел, что человек дрогнул и обратился в паническое бегство, понимая, что он теперь от него не уйдет. И где-то на заснеженной равнине он все равно настигнет жертву, поэтому не пытался преследовать ее сейчас. Царь зверей, который еще вчера был, низвергнут со своего престола, снова занял свое законное место. Эйфория победы захлестнула белого великана. Но, уже спустившись со своего звериного Олимпа на землю, как господин, который уличил в измене своих подданных, его взгляд становился все тяжелей и беспощадней. Он как судья, облаченный в белую мантию, зачитывал им приговор, медленно доходя до конца длинного свитка, где расплатой за тяжкое преступление могла быть только смерть. Его царские лапы еще не были обгарены кровью, но уже было видно, что судья уступил место палачу, большому мастеру в вопросах пыток и изощренных страданий.

Но церемония казни была неожиданно нарушена появлением двуногого существа, снова так не, кстати, вмешавшегося и поломавшего всю процессию царского торжества над вероломством и не благодарностью отдельных представителей императорского двора. Взгляд медведя выпустил из поля зрения осужденных и с недоумением обнаружил третьего, самого главного преступника, главаря этой группы заговорщиков.

Пробравшись во внутрь, Марк с радостью обнаружил, что мать-тюлень и белек живы. Он успел в ту долю секунды, после которой любая помощь была бы уже бесполезна. Охотник направил оружие на медведя, который подошел к нему почти в упор и надавил на курок. Спусковой механизм отжал боек, который в свою очередь хлестко ударил на патрон, но он как будто наделенный собственной волей все еще решал, ответить ли взаимностью на такие проявления заботы или снова остаться безучастным ко всему происходящему. Сейчас он решал, на чью сторону упадет последняя крупница и куда за ней устремится чаша весов. Но, проследив свою траекторию из нарезного ствола, и так близко увидев свою цель, патрон уже больше не раздумывал, направляя свой удар в самое сердце. Раздался выстрел.

Пороховые газы окутали все кругом, и стало трудно дышать. Когда дым рассеялся, охотник увидел, уже не подающего признаков жизни медведя. Поражающая мощь патрона отбросила хищника на несколько метров почти вплотную к полынье. Его передние лапы были разбросаны по сторонам, как будто распахнув объятия, он все еще пытался прижать к себе невидимого врага. Стекланный взгляд как будто еще осматривал по хозяйски все вокруг, давая последние приказы и наставления. Только задние конечности указывали на ту боль, которую он испытал в последний миг. Они были собраны вместе у живота и вывернуты в правую сторону. Красота и мощь вечного скитальца полярного мира даже сейчас была видна и поражала воображение. Он был мертв, но не побежден. Исполнив свою миссию, он лежал бездыханным властелином, даже сейчас, вызывая уважение и страх.

Наступила долгожданная тишина, которая всегда наступает после долгого и жаркого боя. Как

единственная и общая награда для живых и для мертвых. Но и она уже растворялась в движениях уцелевших, еще до конца не осознавших свое право на существование. Первой пришла в себя мать-тюлень, чья шаркающая походка заставила очнуться охотника. Она сложила свою голову на колени Марка и вскоре почувствовала прикосновение дрожащих, но теплых рук.

Только белек все еще не открывал глаза, зажмурив их, он ни за что на свете не хотел снова увидеть пасть медведя и еще раз услышать гром. Но знакомые мелодии голосов, которые были ему родными и понятными придали ему смелости и он понемногу, сначала через узкую щелку, которая становилась с каждым разом все шире и шире, огляделся вокруг. Увидев мать и старшего брата, он начал с визгом носиться вокруг, пока не наткнулся на тушу медведя. Со страхом он устремился к Марку, видя в нем, свое единственное спасение.

Но пора было оказать последние почести мертвому сопернику. Охотник сложил его лапы на груди, который не успели еще остыть и, постояв немного рядом, попытался сдвинуть его в сторону проруби. Нет, земным падальщикам не достанется ни куска от этого большого и красивого тела. Любой враг, каким бы он не был при жизни, в смерти достоин, обрести покой и вечное пристанище и услышать, как горсти земли траурным салютом ударят в его честь. Но в этом ледовом плену такой могилой для белого медведя могла стать только вода – мать всему живому на земле. Она нежно, ласково приняла в свои объятия любимое чадо и навечно увлекла его в непроницаемые для света толщи.

Казалось, уже ничего не напоминало о схватке, которая произошла лишь несколько часов назад. Атмосфера покоя и счастья воцарилась в сердцах и душах пленников. От пережитых волнений у белька разыгрался аппетит, который он никак не мог утолить. Но, в конце концов, усталость взяла вверх, и он уже дремал, посапывая в углу.

Мать отправилась на охоту, вдруг опомнившись, что ей нужно выкормить теперь не одного, а двух детенышей. Марк хотел задержать ее, но уже было поздно. Она как молния исчезла в голубом сиянии. Охота была, по-видимому, успешной, потому что она вскоре вернулась. Марк не знал, как начать этот тяжелый и трудный разговор, суть которого сводился лишь к одному, что ему пора уходить. Но он все медлил, пытаясь найти какие-то слова, которые смогли бы оправдать неминуемую разлуку.

Человек не приспособлен для длительного выживания на этом полюсе холода и силы его на пределе. Он должен вернуться туда, откуда он пришел и попытаться что-то изменить если не в чужой судьбе, то хотя бы в собственной. Столько еще не сделанного ожидало его впереди, столько предстояло еще понять, осмыслить, открыть, за одну лишь человеческую жизнь. Жажда познания мира владела им. Он так мало знал и так мало видел, что хотелось кричать за все бесцельно прожитые годы, проведенные в мрачном лабиринте, но он уже видит свет и идет к нему. Здесь вдали от людей в другом мире, он понял, что существа, которых произвела на свет природа, на протяжении всей своей истории были и остались животными, это он – человек превратился в хитрого и беспощадного зверя. Он чувствовал, что путь исцеления будет долгим и не простым, но он уже встал на него и сделал свой первый шаг.

Но ни слов, ни сил не нашел охотник, чтобы расстаться сегодня с теми, кто так дорог стал его сердцу.

Он решил еще на одну ночь задержаться и провести ее в кругу семьи.

Марк все скажет завтра, чтобы не омрачать последние часы единения перед разлукой.

Вечер и ночь прошли без происшествий в простых и суетных радостях обычного дома, на краю мира, под крышей которого живут родные и близкие. Проснувшись на рассвете, Марк снова не увидел матери, которая еще в сумерках отправилась на охоту, только белек все также похрапывая, не замечал ее отсутствия. Все было как всегда, но это был совершенно другой день, день расставания. Снова в проруби показалась знакомая голова, и все повторилось: лишь молоко в этот раз показалось охотнику сладким и горьким. Но сколько не оттягивал человек прощальную минуту, она наступила. Голос его дрожал, и глаза были затуманены слезами.

Но еще чуть раньше, когда старший брат начал собирать свои вещи в рюкзак, он почувствовал, как забеспокоился белек и начал скулить. Марк поднял его и прижал к себе. Затем он опустился на колени к матери и положил свои руки на ее плечи. Тяжелый ком подступил к горлу и не давал говорить, но он выдавил из себя несколько фраз: «Мне пора. Прощайте».

Когда он произнес эти слова, как будто снова в их тихую обитель ворвался дрейфующий хищник. Белек вдруг заметался и лег у выхода, показывая всем своим видом, что он не отпустит своего брата. Детеныш схватил его зубами за штанину и крепко держал. От этой трогательной картины у охотника защемило сердце. Только мать все понимая, не пыталась остановить своего приемного сына. Но и она, по-видимому, не выдержав внутреннего напряжения, быстро юркнула в полынью и исчезла.

Что ж наверно только в воде можно вволю выплакаться, где никто не увидит твоих слез. В последний раз оглянувшись, человек ласково потрепал белька и начал пролезать в узкий проход.

Но любимый голос снова призвал его к себе. Марк увидел, как животное подползло к нему, что-то держа в своей пасти. Рыба еще живая, была положена у ног охотника заботливой матерью, которая собирает сына в дальнюю дорогу. И проклиная себя, за ту холодность и черствость, человек снова начал их обнимать, все время что-то невнятное приговаривать и прощаться.

Он не помнил, как навсегда покинул это убежище, как уничтожил следы своего пребывания и прикрыл вход, чтобы никто не смог больше потревожить покой, ставшего ему родным дома.

Человек шел быстро и уверенно. Сильный ветер бил ему в спину, заглушая своим воем все живое вокруг. Но всю дорогу он слышал, как кто-то вдогонку на его прощай, отвечал ему из последних сил: «До свидания, до свидания» И это были голоса его матери и младшего брата. Свет далекой звезды становился все ярче.